

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОМПАРАТИВИСТИКИ В ТРУДАХ В.М. ЖИРМУНСКОГО

В статье рассмотрены труды В.М. Жирмунского в области сравнительно-исторического литературоведения. Теоретико-методологические основания такой работы ученый видел в факте художественного влияния одного автора на другого (других). Ракурсом исследования им признана телеология и ее стилевое воплощение в тематике, сюжетике, композиционной организации произведения и его стилистике.

Ключевые слова: В.М. Жирмунский, сравнительно-исторический метод в литературоведении, художественная телеология, стилеобразование.

Имя В.М. Жирмунского (1891–1971) связано в отечественной и мировой науке не только с выдающимися достижениями в области лингвистики — общего языкознания, теории грамматики, истории германских языков, немецкой и общей диалектологии, тюркологии, а также литературоведения — истории немецкой и английской литератур, русской литературы, теории литературы, стиховедения и, кроме того, фольклористики. Жирмунский был одним из крупнейших организаторов науки. Однако в данной работе речь пойдет еще об одном направлении как фундаментальной, так и прикладной работы ученого — о его поистине грандиозной, наряду с эпохальными трудами его учителя, основоположника исторической поэтики А.Н. Веселовского, деятельности в области сравнительного литературоведения.

Интерес Жирмунского к сравнительному методу изучения языка и литературы зародился в студенческие годы в Петербургском университете, под влиянием преподававших в то время учеников А.Н. Веселовского (Ф.А. Брауна, В.Ф. Шишмарева и др.). В период подготовки к профессорскому званию Жирмунский в течение полутора лет проходил специализацию по германской и английской филологии в университетах Германии (1912–1913) и слушал лекции таких разноплановых специалистов, как Э. Си-

верс, Э. Шмидт, Г. Пауль (германистика), А. Брандль (английская литература), Г. Зиммель (философия), И. Фолькельт (эстетика).

Первая крупная компаративистская работа Жирмунского — «Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы» — была опубликована им как монография и защищена как докторская диссертация в 1924 году. Обратившись к проблеме литературных связей, Жирмунский актуализировал идею «художественного воздействия» творчества одного поэта на творчество другого [1: с. 21] и разграничил понятия литературной традиции, литературного влияния и литературного заимствования. В понимании традиции ученым позиционированы такие аспекты стилеобразования, как тематика (мотивика), композиция и стилистика. Понятие «влияние» охватывает «более общее воздействие художественной манеры [одного] писателя» на творчество другого или других, тогда как «заимствование» — это «перенесение определенного конкретного мотива», при этом «существенное значение должны иметь и *словесные совпадения*» в творчестве разных авторов [1: с. 223].

Теоретико-методологические позиции такого подхода были выработаны ученым чуть ранее, прежде всего в программной статье «Задачи поэтики» (опубл. в 1919, 1921, 1924 годах). Опираясь на достижения «поэтики исторической и теоретической», ученый разрабатывал идею «телеологических устремлений», «художественной телеологии» автора, когда все элементы формы произведения: язык, «композиционные массы» и жанровые параметры — «подчиняются общему художественному заданию» [3: с. 15, 23, 28, 25]. В основе «задания» лежит содержательный принцип — «художественное развертывание темы» (в терминологии Жирмунского, «содержание» произведения — это его «поэтическая тематика») [3: с. 27]. В результате, избрав в качестве материала стихотворение А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и в качестве доказательной базы анализ этого произведения, Жирмунский сформулировал вывод, что произведение рождается тогда, когда возникает «соответствие тематического построения с композицией ритмических и синтаксических единиц» [3: с. 27]. Этот вывод подтвержден ученым также в другой его работе — вступительной статье к книге О. Вальцеля

«Проблемы формы в поэзии», названной «К вопросу о “формальном методе”» (1923). В ней Жирмунский подчеркивает, что произведение представляет собой «эстетическую систему, обусловленную единством художественного задания», или «систему приемов», а это предполагает исследование не только отдельной творческой индивидуальности, но и изменяющегося «мироощущения эпохи» — ее «художественно-психологического задания, эстетических навыков и вкусов» [5: с. 97, 100].

В силу такой методологической установки анализ, проведенный ученым в монографии «Байрон и Пушкин», осуществлен сквозь призму стилевой организации романтических поэм двух великих авторов, что, по Жирмунскому, означает сосредоточенность на тематическом, сюжетно-композиционном, жанровом и стилистическом воплощениях. «Южные поэмы» Пушкина, написанные им в период неофициальной ссылки (1820–1824, поэма «Цыганы» закончена в Михайловском), сопоставлены с «восточными поэмами» Байрона, созданными в лондонский период (1812–1816), что предполагает обращение к особенностям «личности Пушкина и Байрона, исторической эпохи, культурной среды и т. п.» [1: с. 222].

Жирмунский пришел к заключению, что поэмы Байрона отмечены «патетической риторикой», и «его эмоционально-лирический стиль» затемняет «конкретные очертания предметов и логически-вещественное содержание слова-понятия ради эмоциональной экспрессивности поэтического целого», тогда как романтические «байронические поэмы» Пушкина характеризует «преобладание предметного, живописного задания над эмоционально-лирическим; четкость, раздельность, последовательность в осуществлении этого задания; в связи с этим — точность, экономность и сознательность в выборе и соединении слов, в особенности — в употреблении конкретных, живописующих эпитетов и глаголов» [1: с. 199]. В результате Жирмунский делает вывод: стиль Байрона «не находит себе соответствия в индивидуальных особенностях пушкинского стиля» [1: с. 199].

В 1937 году Жирмунский опубликовал другое фундаментальное исследование — «Гете в русской литературе». Появлению этой

монографии предшествовало написание ряда работ, в которых были освещены факты творческой жизни великого писателя и мыслителя, а также освоение идей Гете в русской культуре, — прежде всего работа «Гете в русской поэзии» (1932). «Русская гетеана» проанализирована Жирмунским, начиная со времени знакомства русского общества и русской литературы с немецким гением в 1780–1790-х годах, и хронологически доведена до времени написания монографии — к первым десятилетиям XX века. Исходным пунктом на этом пути была констатация того, что число переводов из Гете «чрезвычайно велико», и это позволяет «осмыслить переводную литературу как органическую часть оригинальной» [2: с. 5].

В изучении переводной литературы как области литературных взаимодействий Жирмунский видел два направления интерпретации — «теоретическое» и «творческое» [2: с. 11, 13], и они исследованы ученым поэтапно. Эпоха XVIII века связана с романом «Страдания молодого Вертера» и «вертерианой». До исхода первого двадцатилетия XIX века, свидетельствовал Жирмунский, творчество Гете, за исключением этого произведения, отечественному читателю почти неизвестно [2: с. 72]. Однако русский романтизм актуализировал позиции великого немецкого автора, что обнаруживается в переводах Д.В. Веневитинова, в интересе к фигуре Гете, с одной стороны, С.П. Шевырева, а с другой — Ф.И. Тютчева и др. Особую страницу литературного процесса в России составляет, по мнению Жирмунского, «борьба за Гете в русской критике». Ученый изучил обращение к Гете в штудиях кружка Н.В. Станкевича, в биографии и судьбе В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, представителей «эстетической» критики А.В. Дружинина и В.П. Боткина, «органической» — А.А. Григорьева и др. В сфере внимания Жирмунского находится и писательская критика XIX века; в первую очередь интерес к Гете со стороны И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Жирмунский солидаризируется, в частности, с М.К. Азадовским в суждении о том, что среди цитируемых Тургеневым авторов «первое место занимает Гете» [2: с. 277]. Действительно, Тургенев, создатель повестей «Ася», «Фауст», «Вешние воды», романа «Рудин» и др., в которых очевиден фаустовский и вертеровский интертекст,

в эссе «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре» (облеченном в форму письма к П.В. Анненкову) называл себя «заклятым гетеанцем», а о Гете говорил как о «величайшем поэте новейшего времени после Шекспира» [11: с. 298]. Жирмунский рассмотрел также проблему литературного наследия Гете в русской литературе начиная с 1840-х годов: это и переводы К.С. Аксакова, Н.П. Огарева, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Плещеева, Я.П. Полонского и др.; и творческая интерпретация мотивов Гете в произведениях А.А. Фета, А.Н. Майкова, А.К. Толстого и др.; и отдельные издания «Фауста»; и выход в свет Собрания сочинений; и проч. В монографии Жирмунского показаны и символистские опыты в осмыслении Гете, предпринятые К.Д. Бальмонтом, Вяч. Ивановым, А. Белым и др.

Параллельно с монографией о Гете Жирмунский работает над монографической статьей «Пушкин и западные литературы» (1938). Ученый показал, как Пушкин осваивал мировое культурное наследие — литературу античного мира, поэзию Востока, итальянскую культуру периода Возрождения, испанскую и западнославянскую художественные традиции, литературу ближайших предшествующих эпох, а также инокультурную современность. Этот исследовательский ракурс позволил проанализировать русскую литературу как часть мировой литературы, поскольку «Пушкин не только учился у западных писателей», но и «вместе со своими западными современниками он участвовал в общеевропейском литературном развитии» [7: с. 380]. Кроме того, как показал Жирмунский, в «сложном взаимодействии Пушкина с литературным прошлым и современностью Запада складываются его индивидуальные черты как поэта и яснее намечается пройденный им путь к созданию литературы национальной, народной и реалистической» [7: с. 360].

В юные годы внимание Пушкина обращено к французской литературе XVII–XVIII веков — к Мольеру, Расину, Буало и особенно к Вольтеру: его имя, указывает Жирмунский, «как учителя особенно часто упоминается в стихах лицейского периода» [7: с. 362]. С периодом Южной ссылки, переломным в творческом мировоззрении Пушкина, связано увлечение поэзией и личностью Байрона. Под влиянием английского поэта «задуман и начат» «Евгений Онегин» —

«стихотворный роман “в роде Дон Жуана”», поскольку в этой поэме Пушкин усматривал, по его словам, «удивительное шекспировское разнообразие» [7: с. 369]. Однако, в итоге, пушкинский роман, «семейный и психологический, с широким общественным фоном русской жизни, в столице и усадьбе, не имеет в своей окончательной форме никаких точек соприкосновения с поэмой Байрона, которая в старинной композиционной форме авантюрного романа со странствующим героем развертывает сатирическое обозрение политического и морального состояния <...> Европы и Англии» [7: с. 370]. «Преодолением байронизма» и сосредоточением на творчестве Шекспира отмечены годы ссылки в Михайловское. В осмыслении «настоящего через историческое прошлое учителями Пушкина становятся Шекспир и Вальтер Скотт» [7: с. 372]. Пушкин ориентируется на «шекспировские методы» изображения человека и действительности, при этом «образцом реалистического романа с исторической в широком смысле и общественной тематикой» для него, как и для «большинства его западных современников», являются произведения Вальтера Скотта, что обнаруживается в «Арапе Петра Великого», «Дубровском» и «Капитанской дочке» [7: с. 374, 376, 378].

В зрелые годы интересы Пушкина особенно широки. Отношение к французским авторам полнокровно отражает позиции Пушкина: он поддерживает взгляды мадам де Сталь, дает высокую оценку роману Бенжамена Констан «Адольф», но «с исключительной резкостью» отторгает романтизм Гюго, равно как и Шатобриана, Ламартина и Виньи, при этом «сочувственно» отмечает Альфреда де Мюссе и указывает на «большую интимность, простоту и искренность поэтического переживания» в поэзии Жозефа Делорма (псевдоним Ш.О. Сент-Бева) [7: с. 383, 384]. «Особенный интерес, — подчеркивал Жирмунский, — представляет отношение Пушкина к тем писателям, <...> которые в дальнейшем явились создателями классического французского реализма и в этом смысле шли по одному пути с русским поэтом — к Бальзаку, Стендалю, Мериме» [7: с. 385]. Анализируя отношение Пушкина в современной ему немецкой литературе, Жирмунский поддерживает мнение Алексея Веселовского, утверждавшего, что «немецкая стихия» [7: с. 387] осталась ему

чуждой, и даже отзывы о Гете «свидетельствуют скорее о холодном уважении, чем о глубоком знакомстве и творческой близости»; иными словами, «в творческом опыте Пушкина соприкосновение с Гете не оставило сколько-нибудь существенных следов» [7: с. 388]. Исключение, по мнению Жирмунского, составляет творчество Гофмана, в котором Пушкина привлекал «реалистический гротеск, показывающий необычное как элемент обыденности» [7: с. 389]. Наконец, произведения английской литературы (взятой вне творчества Шекспира и Вальтера Скотта) являются для Пушкина, по свидетельству ученого, «лишь материалом для творческой переработки» [7: с. 390]. В частности, в традициях «озерной школы» Пушкин, после 1828 года достаточно свободно владевший английским языком, видит, считал Жирмунский, не более чем «материал для переводов» [7: с. 390].

К западным феноменам Жирмунский обращается и в более поздний период своей жизни. Так, в 1958 году он издает замечательный труд — монографическое исследование «История легенды о Фаусте», в котором представлен грандиозный интертекстуальный аппарат «Фауста» Гете. Публикация этой работы сопровождалась текстами первоисточников: это исторические и легендарные свидетельства о докторе Фаусте XVI века; «народная» книга И. Шписа «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (1587); свидетельства о постановке драмы «Доктор Фауст» в народном кукольном театре в XVII–XIX веках; тексты трех «кукольных комедий» («Доктор Иоганн Фауст», «Доктор Фауст, или Великий негромант», «Иоганнес Фауст»), а также литературные произведения — трагедия К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» и критическая статья Г.Э. Лессинга «Фауст».

Изучая легенду о договоре человека с дьяволом, Жирмунский среди необозримого количества приводимых данных обратился к судьбам «искателей запретной мудрости» — к «представителям всех национальностей», среди которых «француз Абельяр, англичанин Роджер Бэкон, немец Альберт Великий [Магнус], итальянец Пьетро д'Альбано, каталонец Раймунд Луллий и др.» [4: с. 267]. Жизнь и репутация этих «прославленных средневековых философов и ученых», обросшая «демонологическими легендами» о них

как о стяжателях славы «великих чародеев» и «чернокнижников», привела Жирмунского к выводу о том, что «Фауст — лицо историческое» [4: с. 268, 271]. При этом исследователь указывал, что «решить невозможно», «был ли Фауст профессором в Эрфурте, Виттенберге, Ингольштадте, Гейдельберге, т.е. получил ли он право читать лекции в тех университетах, с которыми его связывает история и легенда» [4: с. 281], поскольку документальных свидетельств этому не найдено.

Обращаясь к литературным произведениям, предшествующим «Фаусту» Гете, Жирмунский рассмотрел репертуар английских театральных трупп (с 1580-х годов), гастролировавших по континенту, в том числе в Германии, а затем показал, что поиски истины были переосмыслены мятежным героем в эпоху Просвещения. «Оптимизм разума» потребовал трансформаций в сюжете, на что «не решился Марло», и это связано со «спасением Фауста вопреки легенде, несмотря на его договор с дьяволом» [4: с. 356]. «Идейная модернизация» сюжета отмечается в «Фаусте» Лессинга, показавшего «трагедию исканий свободной человеческой мысли»; герой Лессинга — «юноша, лишенный мелких эгоистических человеческих страстей и слабостей, одержимый только одной страстью: неутолимой жаждой знания» [4: с. 356]. В дальнейшем, в 1770-х годах, фаустовская тема получила широкую популярность в немецкой литературе периода «бури и натиска». Наконец, все это многовековое и многоэтапное развитие народного сказания о докторе Фаусте получило развитие в книге Гете, когда «конкретно национальное и исторически ограниченное <...> расширилось в типическое и общечеловеческое» [4: с. 362].

Однако Жирмунский внес выдающийся вклад в сравнительное исследование не только европейских литератур. В годы войны началось новое направление его работы — в качестве тюрколога. Будучи уже членом-корреспондентом АН СССР, избранным в 1939 году по Отделению литературы и языка (по специальности «Германская филология, западноевропейские литературы»), Жирмунский, эвакуированный из блокадного Ленинграда в Ташкент, «сел за парту» — начал изучать узбекский язык, а позже, уже в Ленинграде, он в течение пяти лет (1945–1950) принимал участие в тюркологическом семина-

ре члена-корреспондента АН СССР С.Е. Малова. Свои тюркологические работы Жирмунский печатает с 1943 года. Среди них следует назвать монографию «Узбекский народный героический эпос» (совместно с Х.Т. Зарифовым, 1947), книгу «Введение в изучение “Манаса”» (1948), статьи «Среднеазиатские народные сказители» (1947), «Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи» (1951), «”Китаби Коркут” и огузская эпическая традиция» (1958), а также «Книгу моего деда Коркута: Огузский героический эпос» (совместно с А.Н. Кононовым, 1962). В 1962 году на XXV Международном конгрессе востоковедов Жирмунский выступил с докладом «Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии». В итоге, по свидетельству одного из крупнейших тюркологов, А.Н. Кононова, Жирмунский стал ученым, «по-новому осветившим многие сложные проблемы тюркского эпоса, тюркского стиха и тюркской диалектологии» [9: с. 102].

Обретая новые перспективы научного видения, Жирмунский формулирует проблемы сравнительного изучения культур Запада и Востока. Теоретико-методологические вопросы этого аспекта исследовательского зрения были поставлены ученым еще в работах 1940-х годов («Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения», 1946; «К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада», 1947). Этот вектор работы был усилен в 1950-е годы («Эпическое сказание об Алпамыше и “Одиссея” Гомера», 1957; «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур», 1957 и др.). Посмертно были опубликованы статья «Сказание об Идиге», в которой рассматривалась легенда об Идиге (Эдигее), и монография «Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников». Наиболее крупные и концептуально значимые тюркологические труды Жирмунского, под общим названием «Тюркский героический эпос», были изданы в серии «Избранные труды» (1974).

В 1940–1950-е годы Жирмунский особенно много и плодотворно занимается традиционной народной культурой, и еще при жизни он был признан в качестве фольклориста [4]. В сфере его внимания не только среднеазиатский, но и финно-угорский, славянский, германский эпос («“Калевала” и финская буржуазная фольклори-

стика», 1950; «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», 1958; предисловие к книге А. Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах», 1960). Обобщенным компаративистским результатом работы Жирмунского в этой области становится его книга «Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки» (1962).

Одной из важнейших научных задач Жирмунский полагал проведение в исследовательскую теорию и практику идей А.Н. Веселовского. На этом основаны его статья «К вопросу об эпитете» (1931), в которой Жирмунский ссылается на доказательную базу монографической работы Веселовского «Из истории эпитета», статья «К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора» (1935), работа «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» (1936) и др. В довоенный период Жирмунскому, при поддержке единомышленников М.П. Алексеева, В.А. Десницкого, А.А. Смирнова, удалось издать «Избранные статьи» (1939) великого филолога, со своей вступительной статьей и комментариями М.П. Алексеева. Значимость собранных трудов ученого-энциклопедиста была определена как факт исторического универсализма. Следующим важным шагом была публикация тома «Исторической поэтики» (1940) со вступительной статьей и комментариями Жирмунского, в которых была пронесена концептуальная мысль Веселовского о единстве и общих закономерностях мировой литературы.

Пострадав в послевоенный сталинский период, в том числе за «веселовщину», Жирмунский тем не менее в конце 1950-х годов добивается выхода в свет «Неизданной главы» из центрального труда А.Н. Веселовского, вновь со своей вступительной статьей и примечаниями (с благодарностью Л.Я. Гинзбург за помощь в подготовке текста). Жирмунский начинает предисловие с указания на «Историческую поэтику» как на «обобщающий, синтетический труд по теории и истории литературного процесса» [6: с. 175] и хронологизирует биографию Веселовского и движение его мысли в свете созидания этого направления в науке. Значимость рукописи Веселовского определяется тем, что, по свидетельству публикатора, «содержит един-

ственное полное изложение всей “книги” Веселовского» [6: с. 176], в связи с чем Жирмунский последовательно комментирует логику великого предшественника, проанализировав все четыре части книги («Определение поэзии», «Исторические условия поэтической продукции», «Личность поэта», «Внешняя история поэтических родов и частные процессы литературной эволюции») и их «отделы».

Публикуя вводную часть I «Исторической поэтики» Веселовского, Жирмунский указывает на то, что она посвящена «общим вопросам эстетики и теории искусства» [6: с. 177]. Цели Веселовского состояли в том, чтобы «обосновать идею закономерности <...> развития искусства (в частности поэзии [т.е. художественной литературы]) и социально-историческую обусловленность индивидуального художественного творчества» [6: с. 178]. Конкретика задач «новой сравнительно-исторической поэтики» была призвана «заменить старую, нормативную и догматическую» [6: с. 178]. При этом Жирмунский отмечает и крайности в исследовательской направленности работы Веселовского. Так, Жирмунский считал, что Веселовский «чрезвычайно переоценивает роль литературной традиции, поэтических “формул”, сюжетов и образов»: «Развитие поэзии он видит не столько в творчестве новых сюжетов и образов, самостоятельно отражающих новую общественную действительность в изменившемся сознании людей, сколько в новом истолковании старых образов и поэтических формул, как в классических примерах Фауста, Дон Жуана, девы Марии как образа материнской любви в изобразительных искусствах и т. п.» [6: с. 179].

Высказывая подобные критические соображения, Жирмунский писал: «Ошибочность этой теории, сложившейся у Веселовского, по-видимому, на материале народной сказки и средневековой повествовательной литературы с присущей им значительной традиционной связанностью сюжетов и образов, особенно отчетливо выступает на парадоксальных примерах из реалистической литературы нового времени» [6: с. 179]. Одним из аргументов в пользу своего утверждения Жирмунский считал то, что, например, в герое романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин» (Лео) Веселовский видел «метаморфозу образа Проме-

тея» [6: с. 179]. Иными словами, крайности методологии Веселовского Жирмунский видел в том, что основоположник исторической поэтики «приходит к обоснованию исторической закономерности развития поэзии, устраняя из понятия художественного творчества элемент личного произвола и случайности», отсюда «в его концепции характер механической детерминированности, в которой творческое сознание и активная воля людей не играют сколько-нибудь значительной роли» [6: с. 179].

Следует признать, что эти критические высказывания самого Жирмунского также не лишены крайностей идеологических установок своего времени — в частности, в некоей абсолютизации влияния на труды Веселовского эстетики Н.Г. Чернышевского. Важно тем не менее другое — то, что Жирмунский, как никто иной, внес существенный вклад во внедрение идей Веселовского в сознание советских поколений ученых.

В 1960-е годы Жирмунский публикует свои обобщающие теоретико-методологические работы по вопросам компаративистики: «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» (1960, 1961), «Литературные течения как явление международное» (1967). Посмертно в Краткой литературной энциклопедии вышла статья «Сравнительно-исторический метод в литературоведении». Сравнительно-историческое литературоведение определено как «раздел истории литературы, изучающий международные литературные связи и отношения в их исторической обусловленности», а его цели — как установление «сходства и различия между литературными явлениями в разных странах» [8: с. 126]. Сходство литературных фактов проявляется в сближениях как типологического характера (основанного «на сходстве общественного и литературного развития народов»), так и контактного (это область «литературных связей и влияний») [8: с. 126]. Ученый указывал, что понятие «мировая литература», выдвинутое во второй половине 1820-х годов И.В. Гете (с опорой на суждения его учителя И.Г. Гердера), предполагает разную историческую интенсивность связей и взаимодействий в сферах художественной словесности. Жирмунский поднял на щит идею А.Н. Веселовского о «встречных течениях» в заимствующей

литературе и развил мысль о том, что «всякое литературное влияние бывает связано с частичной трансформацией заимствованного образца, т. е. с его творческой переработкой и приспособлением к общественным условиям, явившимся предпосылкой взаимодействия, к особенностям национального развития, к национальной литературной традиции, а также к идейно-художественному своеобразию творческой индивидуальности писателя» [8: с. 127].

Заслуги Жирмунского в области компаративистики были по достоинству оценены мировой научной общественностью еще при жизни ученого: в 1967 году он был избран вице-президентом Международной Ассоциации по сравнительному литературоведению (АИЛС).

Литература

1. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы: Избранные труды / Отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин; изд. подгот. Н.А. Жирмунской. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. – С. 7–356.

2. *Жирмунский В.М.* Гете в русской литературе: Избранные труды / В.М. Жирмунский; отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин; изд. подгот. Н.А. Жирмунской. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1981. – 558 с.

3. *Жирмунский В.М.* Задачи поэтики / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избранные труды / Отв. ред. Ю.Д. Левин, Д.С. Лихачев, изд. подгот. Н.А. Жирмунской. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. – С. 15–55.

4. *Жирмунский В.М.* История легенды о Фаусте / В.М. Жирмунский // Легенда о докторе Фаусте / Изд. подгот. В.М. Жирмунский. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1978. – С. 257–362.

5. *Жирмунский В.М.* К вопросу о «формальном методе» / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избранные труды / Отв. ред. Ю.Д. Левин, Д.С. Лихачев, изд. подгот. Н.А. Жирмунской. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. – С. 94–105.

6. *Жирмунский В.М.* Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Веселовского [Публ., вступ. ст. и примеч.] / В.М. Жирмунский // Русская литература. – 1959. – № 2–3. [Вступ. ст.: № 2. – С. 175–180].

7. *Жирмунский В.М.* Пушкин и западные литературы / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы: Избранные труды / Отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин; изд. подгот. Н.А. Жирмунской. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. – С. 357–396.

8. *Жирмунский В.М.* Сравнительно-исторический метод в литературоведении / В.М. Жирмунский // Краткая литературная энциклопедия: В 8 тт. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – Стлб. 126–130. Сокращенные слова в цитатах восстановлены.

9. *Кононов А.Н.* Виктор Максимович Жирмунский как тюрколог / А.Н. Кононов // Советская тюркология. – 1971. – № 2. – С. 102–107.

10. *Путилов Б.Н.* В.М. Жирмунский как фольклорист (к 70-летию со дня рождения) / Б.Н. Путилов // Советская этнография. – 1962. – № 1. – С. 107–111.

11. *Тургенев И.С.* Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре / И.С. Тургенев // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. / Гл. ред. М.П. Алексеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1982. – Т. 10. – С. 293–302.

M.B. Loskutnikova

Theory and Practice of Comparativistics in the Writings of V.M. Zhirmunsky

The article deals with the works of V.M. Zhirmunsky in the field of comparative-historical literary criticism. The scientist saw theoretical and methodological basis for the research in fact of the artistic influence of one author to another (others). As a foreshortening for the study he assumed teleology and its style embodied in theme, plot structure, organization of composition, and stylistics of a literary work.

Key words: V.M. Zhirmunsky; comparative-historical method in literary criticism; artistic teleology; style formation.